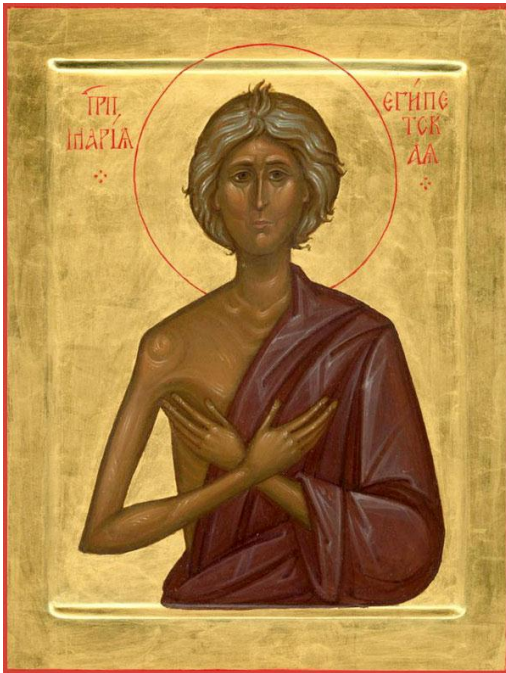

Память 14 апреля (ст.стиль 01 апреля)

Житие преподобной матери нашей Марии Египетской

"Блюсти царскую тайну хорошо, а открывать и проповедовать дела Божии славно" (Тов.12:7), - так сказал архангел Рафаил Товиту, когда совершилось дивное исцеление его слепоты. Действительно, не хранить царской тайны страшно и губительно, а умалчивать о преславных делах Божиих - большая потеря для души. И я, - говорит святой Софроний¹, написавший житие преподобной Марии Египетской, - боюсь молчанием утаить Божественные дела и, вспоминая о грозящем несчастии рабу (Мф.25:18, 25), закопавшему в землю данный от бога талант, не могу не рассказать святой повести, дошедшей до меня. И да никто не подумает - продолжает святой Софроний, - что я осмелился писать неправду, когда у кого явится сомнение в этом дивном событии: не подобает мне лгать на святое. Если же найдутся такие люди, которые, прочитав это писание и пораженные преславным

событием, не поверят, то к ним да будет милостив Господь, потому что они, размышляя о немощи человеческого существа, считают невозможными те чудесные дела, которые совершаются со святыми людьми. Однако надо уже начать рассказ о славном событии, происшедшем в нашем роде.

В одном из палестинских монастырей жил старец, украшенный благочестием жизни и разумностью речи, и с ранней юности доблестно подвизавшийся в иноческом подвиге. Имя старцу было Зосима. (Пусть никто не думает, что это Зосима еретик, хотя у них и одно имя: один заслужил худую славу и был чужд церкви, другой - праведный и был прославлен.) Зосима прошел все степени постнических подвигов и соблюдал все правила, преподанные величайшими иноками. Исполняя все это, он никогда не переставал поучаться Божественными словами: и лежа, и вставая, и за работой, и вкушая пищу (если только можно назвать пищей то, что он вкушал в очень малом количестве), он неумолчно и постоянно исполнял одно дело - он пел божественные песнопения и искал поучений в Божественных книгах. Еще в младенчестве он был отдан в монастырь, где доблестно подвизался в постничестве до 53-х лет. Но потом его стала смущать мысль, что он достиг полного совершенства и более не нуждается ни в каких наставлениях.

"Есть ли, - думал он, - на земле инок, могущий меня наставить и показать пример такого постничества, какого я еще не прошел? Найдется ли в пустыне человек, превзошедший меня?"

Когда старец так размышлял, к нему явился ангел и сказал:

"Зосима! Ты усердно подвизался, насколько это в силах человека, и доблестно прошел постнический подвиг. Однако нет человека, который мог бы сказать о себе, что он достиг совершенства. Есть подвиги, неведомые тебе, и труднее пройденных тобою. Чтобы познать, сколько иных путей ведут ко спасению, покинь страну свою, как славнейший из патриархов Авраам (Быт.12:1), и иди в монастырь, лежащий при реке Иордане".

Следуя такому наставлению, Зосима вышел из монастыря, в котором подвизался с младенчества, отправился к Иордану и достиг того монастыря, куда его направил голос Божий.

Толкнув рукою монастырские ворота, Зосима нашел инока-привратника и сказал ему про себя. Тот известил игумена, который приказал позвать пришедшего старца к себе. Зосима пришел к игумену и исполнил обычный иноческий поклон и молитву.

- Откуда ты, брат, - спросил его игумен, - и для чего пришел к нам, нищим старцам?

Зосима отвечал:

- Откуда я пришел, об этом нет нужды говорить; пришел же я, отец, ища себе душевной пользы, так как слышал о вас много великого и достохвального, могущего привести душу к Богу.

- Брат, - сказал ему на это игумен, - один Бог может исцелить немощи душевные; да наставит он и тебя и нас путям своим на пользу души а человек исправлять человека не может, если он постоянно не вникает в себя и неусыпно, с Божией помощью, не совершает подвигов. Но так как любовь Христова побудила тебя посетить нас, убогих старцев, то оставайся с нами, если для этого пришел. Пастырь добрый, отдавший душу свою для нашего спасения, да ниспошлет на всех нас благодать Святого Духа.

После таких слов, Зосима поклонился игумену, просил его молитв и благословения и остался в монастыре. Здесь он видел старцев, сиявших добрыми делами и благочестием, с пламенным сердцем служивших Господу непрестанным пением, всенощной молитвой, постоянным трудом. На устах их всегда были псалмы, никогда не слышно было праздного слова, ничего не знали они о приобретении временных благ и о житейских заботах. Одно у них было постоянное стремление - это умертвить свою плоть. Главная и постоянная пища их была слово Божие, а тело они питали хлебом и водою, насколько каждому позволяла любовь к Богу. Видя это, Зосима поучался и готовился к предстоящему подвигу.

Прошло много времени, наступили дни святого великого поста, монастырские ворота были заперты и открывались только в том случае, если кого посылали по делам монастыря. Пустынная была та местность; миряне не только не приходили, но даже не знали об этой обители.

Был в монастыре том обычай, ради коего Бог привел туда Зосиму. В первую неделю Великого поста за литургией все причащались Пречистого Тела и Крови Господней и вкушали немного постной пищи; потом все собирались в церкви, и после прилежной, коленопреклоненной молитвы старцы прощались друг с другом; и каждый с поклоном просил у игумена благословения на предстоящий подвиг путешествующим. После этого открывались монастырские ворота, и с пением псалма **"Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь - крепость жизни моей: кого мне страшиться?"** (Пс.26:1), иноки выходили в пустыню и переходили через реку Иордан. В монастыре оставались только один или двое старцев, не для охраны имущества - украсть там было нечего, - но чтобы не оставить церковь без богослужения. Каждый брал с собою немного пищи, сколько мог и хотел по своим телесным потребностям: один немного хлеба, другой - смоквы, кто - финики или моченую в воде пшеницу. Некоторые ничего с собою не брали, кроме рубища на своем теле, и питались, когда принуждал их к тому голод, растущими в пустыне травами.

Перешедши через Иордан, все расходились далеко в разные стороны и не знали друг о друге, как кто постится и подвизается. Если кто видел, что другой идет к нему на встречу, то уходил в другую сторону и продолжал свою жизнь в одиночестве в постоянной молитве, вкушая в определенное время очень мало пищи. Так иноки проводили весь Великий пост и возвращались в монастырь за неделю до Воскресения Христова, когда церковь с ваиями² торжественно празднует праздник Ваий. Придя в монастырь, никто из братин не спрашивал друг друга, как он провел время в пустыне и чем занимался, имея свидетелем одну только свою совесть. Таков был монастырский устав Прииорданского монастыря.

Зосима, по обычаю того монастыря, также перешел через Иордан, взяв с собою ради немощи телесной немного пищи и ту одежду, которую носил постоянно. Блуждая по пустыне, он совершал свой молитвенный подвиг и по-возможности воздерживался от пищи. Спал он мало; где застанет его ночь, там уснет немного, сидя на земле, а рано утром

пробуждается и продолжает свой подвиг. Ему все больше и больше хотелось пройти вглубь пустыни и там найти одного из подвижников, который мог бы его наставить.

После двадцати дней пути, он однажды приостановился и, обратившись на восток, стал петь шестой час³, исполняя обычные молитвы: во время своего подвига он, приостанавливаясь, пел каждый час и молился. Когда он так пел, то увидел с правой стороны как будто тень человеческого тела. Испугавшись и думая, что это бесовское наваждение, он стал креститься. Когда страх прошел, и молитва была окончена, он обернулся к югу и увидел человека нагого, опаленного до черна солнцем, с белыми, как шерсть волосами, спускавшимися только до шеи. Зосима побежал в ту сторону с большою радостью: в последние дни он не видал не только человека, но и животного. Когда этот человек издали увидел, что Зосима приближается к нему, то поспешно побежал вглубь пустыни. Но Зосима как будто забыл и свою старость, и утомление от пути и бросился догонять беглеца. Тот поспешно удалялся, но Зосима бежал быстрее и когда нагнал его настолько, что можно им было услышать друг друга, то возопил со слезами:

- Зачем ты, раб Бога Истинного, ради Коего поселился в пустыне, убегаешь от меня грешного старца? Подожди меня, недостойного и немощного, надежды ради воздаяния за твой подвиг! Остановись, помолись за меня и ради Господа Бога, Который никем не гнушается, преподай мне благословение.

Так восклицал Зосима со слезами. Между тем они достигли ложбины, как бы русла высохшей реки. Беглец устремился на другую сторону, а Зосима, утомленный и не имевший сил бежать дальше, усилил слезные мольбы свои и остановился. Тогда бежавший от Зосимы наконец остановился и сказал так:

- Авва⁴ Зосима! Прости меня ради Бога, что не могу предстать перед тобой: женщина я, как видишь, нагая, ничем не прикрытая в своей наготе. Но если ты хочешь преподать мне, грешной, свою молитву и благословение, то брось мне что-нибудь из своей одежды прикрыться, и тогда я обращусь к тебе за молитвой.

Страх и ужас объял Зосиму, когда он услышал свое имя из уст той, которая никогда его не видала и о нем ничего не слыхала.

"Если бы она не была прозорливой, - подумал он, - то не назвала бы меня по имени".

Быстро исполнил он ее желание, снял с себя ветхую, разорванную одежду и, отворотившись, бросил ей. Взяв одежду, она препоясалась и, насколько было возможно, прикрыла свою наготу. Потом она обратилась к Зосиме с такими словами:

- Зачем ты, авва Зосима, пожелал увидеть меня, грешную жену? Хочешь что-либо услышать или научиться от меня и потому не поленился на трудный путь?

Но Зосима бросился на землю и просил у нее благословения. Она также склонилась на землю, и так оба лежали, прося друга друга благословения; слышно было только одно слово "благослови!" После долгого времени она сказала старцу:

- Авва Зосима! Ты должен благословить и сотворить молитву, потому что ты облечен саном иерея и уже много лет предстоишь святому алтарю, совершая Божественные таинства.

Эти слова повергли старца еще в больший страх. Обливаясь слезами, он сказал ей, с трудом переводя дыхание от трепета:

- О духовная мать! Ты приблизилась к Богу, умертвив телесные немощи. Божий дар на тебе проявляется больше, чем на других: ты никогда не видала меня, но называешь меня по имени и знаешь мой сан иерея. Посему лучше ты меня благослови ради Бога и преподай свою святую молитву.

Тронутая настойчивостью старца, она благословила его с такими словами:

- Благословен Бог, хотящий спасения душам человеческим!

Зосима ответил "аминь", и оба поднялись с земли. Тогда она спросила старца:

- Человек Божий! Зачем ты пожелал посетить меня нагую, не украшенную никакими добродетелями? Но благодать Святого Духа привела тебя, чтобы, когда нужно, сообщить

мне и о земной жизни. Скажи же мне, отец, как теперь живут христиане, царь и святые церкви?

- Вашими святыми молитвами, - отвечал Зосима, - Бог даровал церкви прочный мир⁵. Но склонись к мольбам недостойного старца и помолись Господу за весь мир и за меня грешного, чтобы мое скитание по пустыне не прошло бесплодным.

- Скорее тебе, авва Зосима, - сказала она, - как имеющему священный сан, подобает помолиться за меня и за всех; ибо ты к сему и предназначен. Но из долга послушания я исполню твою волю.

С этими словами она обратилась на восток; возведши очи кверху и подняв руки, она начала молиться, но так тихо, что Зосима не слышал и не понимал слов молитвы. В трепете, молча стоял он, поникнув головой.

"Призываю Бога во свидетели, - рассказывал он, - что через некоторое время я приподнял глаза и увидел ее поднявшеюся на локоть⁶ от земли; так она стояла на воздухе и молилась". Увидев это, Зосима затрепетал от страха, со слезами повергнулся на землю и только произносил:

- Господи, помилуй!

Но тут его смутила мысль, не дух ли это и не привидение ли, как бы молящееся Богу. Но святая, подняв старца с земли, сказала:

- Зачем, Зосима, тебя смущает мысль о привидении, зачем думаешь, что я дух, совершающий молитву? Умоляю тебя, блаженный отец, уверься, что я жена грешница, очищенная только святым крещением; нет, я не дух, а земля, прах и пепел, я плоть, не помышляющая быть духом.

С этими словами она осенила крестным знамением свое чело, очи, уста, грудь и продолжала:

- Да избавит нас Бог от лукавого и от сетей его, потому что велика брань⁷ его на нас.

Слыша такие слова, старец припал к ногам ее и со слезами воскликнул:

- Именем Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, рожденного от Девы, ради Коего ты, нагая, так умертвила свою плоть, заклиная тебя, не скрывай от меня, но все расскажи о твоей жизни, и я прослаблю величие Божие. Ради Бога, скажи все не для похвалы, а чтобы дать наставление мне грешному и недостойному. Я верю в Бога моего, для Коего ты живешь, что я направился в эту пустыню именно для того, чтобы Бог прославил твои дела: путям Божиим мы не в силах противостоять. Если бы Богу не было угодно, чтобы ты и твои подвиги сделались известны, Он не открыл бы тебя мне и меня не укрепил бы на такой далекий путь по пустыне.

Много убеждал Зосима ее и другими словами, а она, подняв его, сказала:

- Прости меня, святой отец, я стыжусь рассказать о позорной жизни моей. Но ты видел мое нагое тело, так я обнажу и душу мою, и ты узнаешь, сколько в ней стыда и позора. Я откроюсь тебе, не хвалясь, как ты говорил: о чем хвалиться мне, избранному сосуду диавольскому! Но если начну рассказ о своей жизни, ты убежишь от меня, как от змеи; твой слух не выдержит повести о моем беспутстве. Однако я расскажу, ничего не умолчав; только прошу тебя, когда узнаешь жизнь мою, не забывай молиться за меня, чтобы мне получить какую-либо милость в день судный.

Старец с неудержимыми слезами просил ее поведать о своей жизни, и она так начала рассказывать о себе:

"Я, святой отец, родилась в Египте, но будучи 12-ти лет от роду, когда были живы еще мои родители, я отвергла их любовь и отправилась в Александрию⁸. Как я потеряла свою девическую чистоту и стала неудержимо, ненасытно предаваться любодеянию, - об этом без стыда я не могу даже помыслить, не только пространно рассказывать; скажу только кратко, чтобы ты узнал о неудержимой моей похоти. Семнадцать лет, и даже больше, я совершала блуд со всеми, не ради подарка или платы, так как ничего ни от кого я не хотела брать, но я так рассудила, что даром больше будут приходить ко мне и удовлетворять мою похоть. Не думай, что я была богата и оттого не брала, - нет, я жила в нищете, часто

голодная пряла охлопья, но всегда была одержима желанием еще более погрязнуть в тине блуда: я видела жизнь в постоянном бесчестии. Однажды, во время жатвы, я увидела, что много мужей - и египтян, и ливийцев⁹ идут к морю. Я спросила одного встречного, куда спешат эти люди? Тот ответил, что они идут в Иерусалим на предстоящий в скором времени праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста. На мой вопрос, возьмут ли они и меня с собой, он сказал, что если у меня есть деньги и пища, то никто не будет препятствовать. Я сказала ему: "Нет, брат, у меня ни денег, ни пищи, но все-таки я пойду и сяду с ними в один корабль, а они меня пропитают: я отдам им свое тело за плату". - Я хотела пойти для того, чтобы, - прости меня, мой отец, - около меня было много людей, готовых к похоти. Говорила тебе я, отец Зосима, чтобы ты не принуждал меня рассказывать про мой позор. Бог свидетель, я боюсь, что своими словами я оскверняю самый воздух".

Орошая землю слезами, Зосима воскликнул:

- Говори, мать моя, говори! Продолжай свою поучительную повесть!

"Встретившийся юноша, - продолжала она, - услышав мою бесстыдную речь, засмеялся и отошел прочь. А я, бросив случившуюся при мне пряслицу, поспешила к морю. Оглядев путешественников, я заметила среди них человек десять или больше, стоявших на берегу; они были молоды и, казалось, подходили к моему вожделению. Другие уже вошли в корабль.

Бесстыдно, по обыкновению, я подбежала к стоявшим и сказала: "Возьмите и меня с собою, я вам буду угождать". Они засмеялись на эти и подобные слова, и видя мое бесстыдство, взяли с собой на корабль, и мы отплыли. Как тебе, человек Божий, сказать, что было дальше? Какой язык, какой слух вынесет рассказ о позорных делах, совершенных мною на корабле во время пути: я увлекала на грех даже против воли, и не было постыдных дел, каким бы я не научала. Поверь, отец, я ужасаюсь, как море перенесло такой разврат, как не разверзлась земля и не погрузила меня живою в ад после соращения столь многих людей! Но я думаю, что Бог ожидал моего покаяния, не желая смерти грешника, но с долготерпением ожидая обращения.

С такими чувствами прибывшая в Иерусалим и все дни до праздника поступала по-прежнему, и даже хуже. Я не только не довольствовалась юношами, бывшими со мной на корабле, но еще собирала на блуд местных жителей и странников. Наконец, наступил праздник Воздвижения Честного Креста, и я как и прежде, пошла совращать юношей. Увидев, что рано утром все, один за другом, идут в церковь, отправилась и я, вошла со всеми в притвор и, когда наступил час святого Воздвижения Честного Креста Господня, попыталась с народом проникнуть в церковь. Как я ни старалась протесниться, но народ меня отстранял. Наконец, с большим трудом приблизилась к дверям церкви и я, окаянная. Но все невозбранно входили в церковь, а меня не допускала какая-то Божественная сила. Я снова попыталась войти, и снова была отстранена, осталась одна в притворе. Думая, что это происходит от моей женской слабости, я вмешалась в новую толпу, но старание мое оказалось тщетным; моя грешная нога уже касалась порога, всех невозбранно церковь принимала, меня одну окаянную она не допускала; как будто нарочно приставленная, многочисленная, воинская стража, неведомая сила задерживала меня - и вот я опять оказалась в притворе. Так три-четыре раза я напрягала силы, но не имела успеха. От изнеможения я не могла более вмешиваться в толпу входящих, все тело мое болело от тесноты и давки. Отчаявшись, я со стыдом отступила и встала в углу притвора. Очнувшись, я подумала, какая вина не позволяет мне видеть животворящее древо Креста Господня. Свет спасительного разума, правда Божия, освещающая душевные очи, коснулась сердца моего и указала, что мерзость дел моих возбраняет мне войти в церковь. Тогда я стала горько плакать, с рыданиями бить себя в грудь и вздыхать от глубины сердца.

Так я плакала, стоя в притворе. Подняв глаза, я увидела на стене икону Пресвятой Богородицы и, обратив к ней телесные и душевные очи, воскликнула:

- О Владычица, Дева, рождшая Бога плотию! Я знаю, глубоко знаю, что нет чести Тебе и хвалы, когда я, нечистая и скверная, взираю на Твой лик Приснодевы, чистой телом и

душой. Праведно, если Твоя девственная чистота погнушается и возненавидит меня блудницу. Но я слышала, что рожденный Тобою Бог для того и воплотился, чтобы призвать грешников к покаянию. Приди же ко мне, оставленной всеми, на помощь! Повели, чтобы мне не возбранен был вход в церковь, дай мне узреть Честное древо, на котором плотию был распят рожденный Тобой, проливший святую кровь Свою за избавление грешников и за мое. Повели, Владычица, чтобы и для меня, недостойной, открылись двери церкви для поклонения Божественному Кресту! Будь моей верной поручительницей перед Сыном Твоим, что я более не оскверню своего тела нечистотою блуда, но, возрев на крестное древо, отрекись от мира и его соблазнов и пойду туда, куда поведешь меня Ты, поручительница моего спасения.

Так я сказала. Подбодренная верою и убежденная в милосердии Богородицы, я как будто по чьему-то побуждению, двинулась с того места, где молилась, и смешалась с толпой входящих в церковь. Теперь никто меня не отталкивал и не мешал дойти до дверей церкви. Страх и ужас напал на меня, я вся трепетала. Достигнув дверей, прежде для меня затворенных, я без труда вошла внутрь святой церкви и сподобилась видеть Животворящее древо, постигла тайны Божии, поняла, что Бог не отринет кающегося. Падши на землю, я поклонилась Честному Кресту и облобызала его с трепетом. Потом я вышла из церкви к образу моей поручительницы - Богородицы и, преклонив колена перед Ее святой иконой, так молилась:

- О присноблаженная Дева, Владычица Богородица, не погнушавшись моей молитвы, Ты на мне показала Свое великое человеколюбие. Я видела славу Господню, блудная и недостойная зреть ее! Слава Богу, ради Тебя принимающему покаяние грешных! Вот все, что я грешная могу помыслить и сказать словами. Теперь, Владычица, пора исполнить то, что я обещалась, призывая Тебя поручительницей: наставь меня, как будет Твоя воля, и научи, как довершить спасение на пути покаяния.

После этих слов я услышала, как будто издалека, голос:

- Если перейдешь через Иордан, то найдешь себе полное успокоение.

Выслушав эти слова с верою, что они обращены ко мне, я со слезами воскликнула, взирая на икону¹⁰ Богородицы:

- Владычица, Владычица Богородица, не оставь меня! С этими словами я вышла из церковного притвора и быстро пошла вперед.

На дороге кто-то дал мне три монеты со словами:

- Возьми это, мать.

Я приняла монеты, купила три хлеба и спросила продавца, где путь к Иордану. Узнав, какие ворота ведут в ту сторону, я быстро пошла, проливая слезы. Так я провела весь день в пути, спрашивая дорогу у встречных и к третьему часу того дня, когда сподобилась узреть святой Крест Христов, уже на закате солнца, я дошла до церкви святого Иоанна Крестителя у реки Иордана. Помолившись в церкви, я сошла к Иордану и омыла себе водой этой святой реки руки и лицо. Возвратившись в церковь, я причастилась Пречистых и Животворящих Тайн Христовых. Потом я съела половину одного хлеба, выпила воды из Иордана и уснула на земле. Рано утром, нашедши небольшую лодку, я переправилась на другой берег и снова обратилась к своей руководительнице-Богородице с молитвой, как ей будет благоугодно наставить меня. Так я удалилась в пустыню, где и скитаюсь до сего дня, ожидая спасения, какое подаст мне Бог от душевных и телесных страданий".

Зосима спросил:

- Сколько же лет, госпожа, прошло, как ты водворилась в этой пустыни?

- Я думаю, - отвечала она, - протекло 47 лет, как я оставила святой город.

- Что же, - спросил Зосима, - ты находишь себе на пищу?

- Перешедши Иордан, - сказала святая, я имела два с половиной хлеба; они понемногу высохли, как бы окаменели, и их я вкушала понемногу несколько лет.

- Как ты могла благополучно прожить столько времени, и никакой соблазн не смутил тебя?

- Я боюсь отвечать на твой вопрос, отец Зосима: когда я буду вспоминать о тех бедах, какие я претерпела от мучивших меня мыслей, я боюсь, что они снова овладеют мною.

- Ничего, госпожа, - сказал Зосима, - не опускай в своем рассказе, я потому и спросил тебя, чтобы знать все подробности твоей жизни.

Тогда она сказала:

- Поверь мне, отец Зосима, что 17 лет прожила я в этой пустыне, борясь со своими безумными страстями, как с лютыми зверями. Когда я принималась за пищу, я мечтала о мясе и вине, какие ела в Египте; мне хотелось выпить любимого мною вина. Будучи в миру, много пила я вина, а здесь не имела и воды; я изнывала от жажды и страшно мучилась. Иногда у меня являлось очень смущавшее меня желание петь блудные песни, к которым я привыкла. Тогда я пролиwała слезы, била себя в грудь и вспоминала обеты, данные мною при удалении в пустыню. Тогда я мысленно становилась перед иконою поручительницы моей, Пречистой Богородицы и с плачем умоляла отогнать от меня мысли, смущавшие мою душу. Долго я так плакала, крепко ударяя себя в грудь, и наконец как бы свет разливался вокруг меня, и я успокаивалась от волнений. Как признаться мне, отец, в блудных вожделениях, овладевавших мною? Прости, отец. Огонь страсти загорался во мне и опалял меня, понуждая к похоти. Когда на меня находил такой соблазн, то я повергалась на землю и обливалась слезами, представляя себе, что перед мною стоит Сама моя поручительница, осуждает мое преступление и грозит за него тяжелыми мучениями. Поверженная на землю я не вставала день и ночь, пока тот свет не озарял меня и не отгонял смущавшие меня мысли. Тогда я возводила очи к поручительнице своей, горячо прося помощи моим страданиям в пустыне - и действительно, Она мне давала помощь и руководство в покаянии. Так провела я 17 лет в постоянных мучениях. А после, и до сего времени, Богородица во всем - моя помощница и руководительница.

Тогда Зосима спросил:

- Не было ли тебе нужды в пище и в одежде?

Святая отвечала:

- Окончив хлебы, через семнадцать лет, я питалась растениями; одежда, какая была на мне при переходе через Иордан, истлела от ветхости, и я много страдала, изнемогая летом от зноя, трясаясь зимой от холода; так что много раз я, как бездыханная, падала на землю и так долго лежала, претерпевая многочисленные телесные и душевные невзгоды. Но с того времени и до сегодня, сила Божия во всем преобразила мою грешную душу и мое смиренное тело, и я только вспоминаю о прежних лишениях, находя для себя неистощимую пищу в надежде на спасение: питаюсь и покрываюсь я всесильным словом Божиим, ибо **"не хлебом одним будет жить человек!"** (Мф.4:4). И совлекшиеся греховного одеяния не имеют убежища, укрываясь среди каменных расселин (ср. Иов.24:8; Евр.11:38).

Услышав, что святая вспоминает слова Священного Писания из Моисея, пророков и псалтири, Зосима спросил, не изучала ли она псалмы и другие книги.

- Не думай, - отвечала она с улыбкой, - что я со времени моего перехода через Иордан видела какого-либо человека, кроме тебя: даже зверя и животного я не видала ни одного. И по книгам я никогда не училась, не слыхала никогда из чьих-либо уст чтения или пения, но слово Божие везде и всегда просвещает разум и проникает даже до меня, неизвестной миру. Но заклинаю тебя воплощением Слова Божия: молись за меня, блудницу.

Так она сказала. Старец бросился к ее ногам со слезами и воскликнул:

- Благословен Бог, творящий великие и страшные, дивные и славные дела, коим нет числа! Благословен Бог, показавший мне, как Он награждает боящихся Его! Воистину, Ты, Господи, не оставляешь стремящихся к Тебе!

Святая не допустила старца поклониться ей и сказала:

- Заклинаю тебя, святой отец, Иисусом Христом, Богом Спасителем нашим, никому не рассказывай, что ты слышал от меня, пока Бог не возьмет меня от земли, а теперь иди с миром; через год ты снова увидишь меня, если нас сохранит благодать Божия. Но сделай

ради Бога то, о чем тебя я попрошу: постом на будущий год не переходи через Иордан, как вы обыкновенно делаете в монастыре.

Подивился Зосима, что она говорит и о монастырском уставе, и ничего не мог промолвить, как только:

- Слава Богу, награждающему любящих Его!

- Так ты, святой отец, - продолжала она, - останься в монастыре, как я говорю тебе, потому что тебе невозможно будет уйти, если и захочешь; во святой и великий четверг, в день тайной Христовой вечери, возьми в святой подобающий сему сосуд животворящего Тела и Крови, принеси к мирскому селению на том берегу Иордана и подожди меня, чтобы мне причаститься Животворящих Даров: ведь с тех пор, как я причастилась перед переходом через Иордан в церкви Иоанна Предтечи, до сего дня, я не вкусила святых Даров. Теперь я к сему стремлюсь всем сердцем, и ты не оставь моей мольбы, но непременно принеси мне Животворящие и Божественные Тайны в тот час, когда Господь Своих учеников сделал участниками Своей Божественной вечери. Иоанну, игумену монастыря, где ты живешь, скажи: смотри за собой и своей братией, во многом надо вам исправиться, - но скажи это не теперь, а когда Бог наставит тебя.

После этих слов она снова попросила старца молиться за нее и удалилась вглубь пустыни. Зосима, поклонившись до земли и поцеловав во славу Божию место, где стояли ее стопы, пошел в обратный путь, хваля и благословляя Христа, Бога нашего.

Пройдя пустыню, он достиг монастыря в тот день, когда обыкновенно возвращались жившие там братья. О том, что видел, он умолчал, не смея рассказать, но в душе молил Бога дать ему еще случай увидеть дорогое лицо подвижницы. Со скорбью он думал, как долго тянется год и хотел, чтобы это время промелькнуло, как один день.

Когда наступила первая неделя великого поста, то все братия по обычаю и уставу монастырскому, помолившись, с пением, вышли в пустыню. Только Зосима, страдавший тяжелым недугом принужден был остаться в обители. Тогда вспомнил он слова святой: "Тебе невозможно будет уйти, если и захочешь!" Скоро оправившись от болезни, Зосима остался в монастыре. Когда же возвратились братия и приблизился день Тайной вечери, старец сделал все, указанное ему: положил в малую чашу Пречистого Тела и Крови Христа Бога нашего, и потом взяв в корзинку несколько сушеных смоков и фиников и немного вымоченной в воде пшеницы, поздним вечером вышел из обители и сел на берегу Иордана, ожидая прихода преподобной. Святая долго не приходила, но Зосима, не смыкая глаз, неустанно всматривался по направлению к пустыне, ожидая увидеть то, чего так сильно желал. "Может быть, - думал старец, - я недостойн, чтобы она пришла ко мне, или она уже приходила раньше и, не нашедши меня, возвратилась обратно". От таких мыслей он прослезился, вздохнул и, возведши очи к небу, стал молиться: "Не лиши, Владыко, снова узреть то лицо, которое сподобил меня увидеть! Не дай мне уйти отсюда не успокоенным, под бременем грехов, обличающих меня!"

Тут ему на ум пришла другая мысль: "Если она и подойдет к Иордану, а лодки нет, как она переправится и придет ко мне, недостойному? Увы мне грешному, увy! Кто лишил меня счастья видеть ее?"

Так думал старец, а преподобная уже подошла к реке. Увидев ее, Зосима с радостью встал и возблагодарил Бога. Его еще мучила мысль, что она не может перейти Иордан, когда он увидел, что святая, озаряемая блеском луны, перекрестила крестным знаменем реку, спустилась с берега на воду и пошла к нему по воде, как по твердой земле. Видя это, удивленный Зосима хотел ей поклониться, но святая, еще шествуя по воде, воспротивилась этому и воскликнула: "Что ты делаешь? Ведь ты священник и несешь Божественные Тайны!"

Старец послушался ее слов, а святая, вышедши на берег, попросила у него благословения. Объятый ужасом от дивного видения, он воскликнул: "Воистину Бог исполняет Свое обещание уподобить Себе спасающихся по мере сил своих! Слава Тебе, Христу Богу нашему, показавшему мне через рабу Свою, как я еще далек от совершенства!"

Потом святая попросила прочитать Символ веры и молитву Господню. По окончании молитвы, она причастилась Пречистых и Животворящих Христовых Тайн и по обычаю иноческому поцеловала старца, после чего вздохнула и со слезами воскликнула:

- Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое (Лк.2:29-30).

Потом, обратись к Зосиме, святая сказала:

- Умоляю тебя, отче, не откажи исполнить еще одно мое желание: теперь иди в свой монастырь, а на следующий год приходи к тому же ручью, где ты прежде беседовал со мной; приходи ради Бога, и снова увидишь меня: так хочет Бог.

- Если бы было можно, - отвечал ей святой старец, - я хотел бы всегда следовать за тобой и видеть твое светлое лицо. Но прошу тебя, исполни мое, старца, желание: вкуси немного пищи, принесенной мною.

Тут он показал, что принес в корзине. Святая притронулась концами пальцев к пшенице, взяла три зерна и поднеся их к устам, сказала:

- Этого довольно: благодать пищи духовной, сохраняющей душу не оскверненной, насытит меня. Снова прошу тебя, святой отец, молись за меня Господу, помяная мое окаянство.

Старец поклонился ей до земли и просил ее молитв за церковь, за царей и за него самого. После этой слезной просьбы он простился с нею с рыданиями, не смея дальше удерживать ее. Если бы и хотел, он не имел силы остановить ее. Святая снова осенила крестным знамением Иордан и, как прежде, перешла как посуху через реку. А старец возвратился в обитель, волнуемый и радостью и страхом; он укорял себя в том, что не узнал имени преподобной, но надеялся узнать это в будущем году.

Прошел еще год. Зосима опять пошел в пустыню, исполняя монастырский обычай, и направился к тому месту, где имел дивное видение. Он прошел всю пустыню, по некоторым признакам узнал искомое место и стал внимательно вглядываться по сторонам, как опытный охотник, ищущий богатой добычи. Однако он не увидел никого, кто бы приближался к нему. Обливаясь слезами, он возвел очи к небу и стал молиться: "Господи, покажи мне Свое сокровище, никем не похищаемое, скрытое Тобою в пустыне, покажи мне святую праведницу, этого ангела во плоти, с коей не достоин сравниться весь мир!"

Произнося такую молитву, старец достиг места, где протекал ручей и, став на берегу, увидел к востоку преподобную, лежащую мертвой; руки у нее были сложены, как подобает у лежащих во гробу, лице обращено на восток. Быстро он приблизился к ней и припав к ногам ее, благоговейно облобызал и оросил их своими слезами. Долго он плакал; потом, прочитав положенные на погребение псалмы и молитвы, он стал думать, можно ли погребать тело преподобной, будет ли ей это угодно. Тут он увидел у головы блаженной такую надпись, начертанную на земле: "Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии, отдай прах праху. Моли Бога за меня, скончавшуюся в месяце, по-египетски Фармуфий, по-римски апреле, в первый день, в ночь спасительных Страстей Христовых, по причащении Божественных Тайн¹¹".

Прочитав надпись, старец прежде всего подумал, кто мог это начертать: святая, как она сама говорила, не умела писать. Но он очень был обрадован, что узнал имя преподобной. Кроме того, он узнал, что святая, причастившись на берегу Иордана, в один час достигла места своей кончины, куда он прошел после двадцати дней трудного пути, и тотчас предала душу Богу.

"Теперь, - подумал Зосима, - надо исполнить повеление святой, но как мне, окаянному, выкопать яму без всякого орудия в руках?"

Тут он увидел около себя брошенный в пустыне сук дерева, взял его и начал копать. Однако сухая земля не поддавалась усилиям старца, он обливался потом, но не мог ничего сделать. Горько вздохнул он из глубины души. Внезапно, подняв глаза, он увидел огромного льва, стоявшего у тела преподобной и лизавшего ее ноги. Ужаснулся старец при виде зверя, тем более, что он вспомнил слова святой, что она никогда не видела зверей. Он

ознаменовал себя крестным знаменем в уверенности, что сила почившей святой охранит его. Лев стал тихо приближаться к старцу, ласково, как бы с любовью, глядя на него. Тогда Зосима сказал зверю: "Великая подвижница повелела мне погresti ее тело, но я стар и не могу выкопать могилы; нет у меня и орудия для копания, а обитель далеко, не могу скоро принести его оттуда. Выкопай же ты когтями своими могилу, и я погребу тело преподобной".

Лев как будто понял эти слова и передними лапами выкопал яму, достаточную для погребения. Старец снова омочил слезами ноги преподобной, прося ее молитв за весь мир и покрыл ее тело землей. Святая была почти нагая - старая, изорванная одежда, которую ей бросил Зосима при первой встрече, едва прикрывала ее тело. Потом оба удалились: лев, тихий, как ягненок, вглубь пустыни, а Зосима в свою обитель, благословляя и прославляя Христа, Бога нашего.

Пришедши в монастырь, он, ничего не скрывая, что видел и слышал, рассказал всем инокам о преподобной Марии. Все удивлялись величию Божию и решили со страхом, верою и любовью почитать память преподобной и праздновать день ее преставления.

Игумен Иоанн, как о том передавала еще преподобная Мария авве Зосиме, нашел некоторые неисправности в монастыре и устранил их с Божьею помощью. А святой Зосима после долгой, почти во сто лет, жизни покончил свое земное существование и перешел к вечной жизни, к Богу¹². Рассказ его о преподобной Марии иноки того монастыря устно передавали на общее поучение один другому, но письменно не излагали о подвигах святой.

А я, - прибавляет святой Софроний, - услышав рассказ, записал его. Не знаю, может быть, кто-либо другой, лучше осведомленный, уже написал житие преподобной, но и я, насколько мог, записал все, излагая одну истину. Бог, творящий дивные чудеса и щедро одаряющий обращающихся к Нему с верою, да наградит ищущих себе наставления в этой повести, слушающих, читающих и поусердствовавших записать ее, и да подаст им участь блаженной Марии вместе со всеми, когда-либо угодившими Богу своими благочестивыми мыслями и трудами.

Воздадим же и мы славу Богу, Царю вечному, и да подаст Он нам Свою милость в день судный ради Иисуса Христа, Господа нашего, Кому подобает всякая слава, честь, держава и поклонение со Отцем и Пресвятым и Животворящим Духом ныне, и всегда, и во все веки. Аминь¹³.

Тропарь, глас 8:

В тебе, мати, известно спасется еже по образу: приимши бо крест, последовала еси Христу, и деючи учила еси презирати убо плоть, преходит бо: прилежати же о души, вещи безсмертней, темже и со ангелы срадуется, преподобная Марие, дух твой.

Кондак, глас 4:

Греха мглы избежавши, покаяния светом озаривши твое сердце славная, пришла еси ко Христу: сего всенепорочную и святую мать молитвенницу милостивную принесла еси. Отонудуже и прегрешений обрела еси оставление, и со ангелы присно срадуешься.

1 Святой Софроний, Патриарх Иерусалимский, жил в VII веке. Святой Софроний был светильником не только для Палестинской, но и для всей Восточной Церкви. Именно за свою святость Софроний и был избран во Иерусалимского Патриарха (в 634 г.). Он управлял Церковью 10 лет, ревностно защищая православное учение от еретиков-монофелитов. Ныне известные сочинения св. Софрония содержат в себе, иные - догматическое учение, другие писаны для назидания в благочестии, то в виде слов и повестей, то в виде песней. Святой Иоанн Дамаскин с похвалою отзывался о Софрониевом описании жития святой Марии Египетской. Не менее важны и другие сочинения св. Софрония, как то: объяснение на литургию, стихиры в предпразднство Рождества Христова, стихиры на водоосвящение в День Богоявления с молитвою и друг. - Память св. Софрония празднуется Церковью 11 марта.

2 Ваиа - ветви пальмовые (Ин.12:13, Мк.11:8) Неделя ваий - иначе цветоносная или цветная - вербное воскресенье.

3 Часы - так называются молитвословия, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, приуроченных к каждой четверти дня и к особым обстоятельствам страданий Спасителя. - На шестом часе вспоминаются шествие Спасителя на пропятие, самое пропятие и крестные страдания.

4 Авва - отец, наставник.

5 Это было в начале VI века, когда уже прекратились гонения и утихли ереси, и Церковь христианская пользовалась миром и спокойствием.

6 Локоть или лакоть - мера длины от локтя до конца среднего пальца, равная 10 1/2 вершкам.

7 Брань - нападение, козни.

8 Александрия - знаменитый город, основанный Александром Македонским на берегу Средиземного моря, при устье реки Нила. Александрия после Рима была первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства - рассадником христианского просвещения. В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленных портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море.

9 Ливийцы - жители Ливии, провинции в Северной Африке.

10 Эта икона, по сказанию русских летописей, впоследствии перенесена была в Константинопольский храм Софии.

11 Преподобная Мария скончалась в 522 году.

12 Преподобный Зосима преставился в первой половине VI века. Память его празднуется 4 апреля.

13 Печерский Вознесенский монастырь был основан в окрестностях Нижнего Новгорода около 1330 года другим преп. Сергия Радонежского святым Дионисием, который ископал себе в 5 верстах от города на берегу р. Волги пещеру и подвизался в ней, а потом был архимандритом своей обители и впоследствии архиепископом суздальским. Скончался в сане митрополита киевского в 1384 году. Память его 26 июня.

Память преподобного отца нашего Евфимия Суздальского

Преподобный Евфимий родился от благочестивых родителей Местом его рождения и воспитания был Нижний Новгород. Когда он пришел в возраст, то родители отдали его в научение Божественных Писаний, и блаженный отрок вместе со сверстниками своими изучал их с большим прилежанием, при чем совершенно чуждался детских игр. Имея склонность к молчанию и повинаясь во всем своим родителям, он часто посещал храмы Божии, где любил стоять, уединившись в темное место, чтобы никто не мог развлекать его беседами о тленных предметах мира сего и чтобы ему можно было с полным вниманием слушать пение и чтение церковное. Однажды он пришел в святой храм и услышал в Евангелии слова: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною и прочее (Лк.9:23 и след.). Услышав эти слова, блаженный Евфимий решил отречься от благ мира сего и ушел в находившийся вблизи Нижнего Новгорода печорский монастырь Вознесения Господня¹, где от настоятеля этого монастыря, по имени Дионисия, и

принял иноческое пострижение. Поступив в монастырь, Евфимий стал предаваться великим подвигам. При постоянном пении псалмов Давида день он обычно проводил в трудах, усердно исполняя различные монастырские работы, а ночью удалялся в пещеру и там со слезами возносил Богу всенощные моления. Эти подвиги блаженный инок совершал, повинаясь во всем наставнику своему, преподобному Дионисию. В дальнейшей жизни своей он дошел до такой степени подвижничества, что иногда всю ночь проводил без сна в молитве и подвергал себя такому подвигу часто. При этом он был настолько воздержен в

пище, что употреблял ее в таком количестве, какое необходимо было для того, чтобы не изнемогать от голода, и не пил ничего другого, кроме воды, да и то только тогда, когда чувствовал сильную жажду. После сего наставником его ему было назначено послушание служить при пекарне. Здесь он еще более увеличил свои подвиги, так как постоянно носил воду и рубил дрова. Вскоре ему ведено было служить в самой пекарне. Работая здесь, преподобный всегда приводил себе на память вечные мучения от неугасимого огня и язвительного червя. Часто, смотря на огонь, он говорил самому себе: "Терпи, Евфимий, чтобы чрез этот огонь ты мог избежать огня вечного".

Видя такие подвиги и терпение преподобного Евфимия, все смотрели на него не как на человека, а как на живущего среди них ангела Божия.

В то время суздальским и нижегородским княжеством владел великий князь Борис Константинович². Он обратился к настоятелю Печорской обители, преподобному Дионисию, с просьбой прислать к нему в Суздаль блаженного Евфимия в строители монастыря, который он задумал устроить. Блаженный Дионисий с радостью дал обещание великому князю исполнить его просьбу, и, спустя немного времени, преподобный Евфимий, приняв напутственную молитву и благословение от наставника своего, отправился в путь. Когда он пришел к городу Гороховцу, то близ него, на расстоянии около 8 верст, построил церковь во имя святого отца Василия, архиепископа Кесарии Каппадокийской, и устроил при ней общежительную пустынь³, после чего пришел в Суздаль к великому князю Борису Константиновичу. Князь весьма обрадовался прибытию преподобного и, проведши с ним некоторое время в беседе, отправился вместе с ним к епископу суздальскому Иоанну⁴. Прибыв к епископу, великий князь открыл ему свое намерение, рассказал по порядку о жизни блаженного Дионисия - о том, как Господь удостоил его дара пророчества и о том, как он благословил его устроить обитель, рассказал также и о преподобном Евфимии. После сего князь стал просить епископа идти с ним, чтобы отыскать место для устройства обители, и епископ отправился с великим князем, а вместе с ними пошел и преподобный Евфимий. Вскоре они нашли место вблизи города на горе, у реки, называемой Каменницей, на берегу которой был расположен и город Суздаль, и это место им понравилось. Тогда они сотворили молитву, воздав Богу благодарение.

После сего на это место собралось множество народа, правители всех княжеских владений, бояре, князья и сановники его двора, духовенство, монашествующая братия, а также мужи и жены разного возраста. В присутствии такого многочисленного собрания епископ Иоанн благословил и освятил место для обители и после особой молитвы водрузил крест на том месте, где надлежало быть престолу первого храма. Тогда князь повелел готовить камни и все, необходимое для построения храма. И когда повеление князя было исполнено, он сам первый, взяв заступ, стал своими руками копать ров, и его примеру последовали правители страны и бояре.

После сего была совершена служба на основание храма, и храм был заложен в честь Преображения Господа нашего Иисуса Христа, а затем стали возводить стены здания. Преподобный Евфимий, испросив у епископа благословение, взял топор и собственноручно обтесал у северной двери алтаря вблизи святого жертвенника три камня и устроил себе гроб, где впоследствии и было положено честное тело его.

Храм был окончен постройкою в 1352 году⁵ и в том же году был освящен. Епископ Иоанн возвел блаженного Евфимия в сан архимандрита и вручил его водительству христианское стадо словесных овец Христовых, а князь дал ему большое количество золота и серебра для устройства обители. С этого времени преподобный Евфимий со слезами сокрушения стал предаваться великим подвигам. Днем он усердно трудился по устройству обители, а ночью возносил Богу непрестанные усердные молитвы, и таким образом устроил монастырь и в нем келии для будущей братии. Кроме уже бывшего храма он соорудил еще другой храм во имя преподобного отца Иоанна Лествичника и пристроил к нему каменную трапезу, где бы иноки в зимние дни могли собираться для молитвы и принятия пищи. Когда к преподобному собралось в обитель около 300 человек братии и они не могли поместиться

в трапезе, то он повелел построить новый храм во имя святителя Николая, мирликийского чудотворца, названный больничным, и при нем соорудить большую деревянную трапезу для того, чтобы в нее собирались те из братии, которые не могли поместиться с другими в каменной трапезе. После сего им были устроены по мере нужды и другие необходимые для обители постройки.

Таким образом трудами и молитвами преподобного Евфимия при содействии благодати Божией и устроена была вполне удовлетворявшая всем монастырским нуждам его обитель. И он начал руководить вверенным ему стадом твердо и богоугодно. Он установил правило, чтобы все иноки безропотно пребывали в послушании, в искренней любви друг к другу, целомудрии и нестяжательности, чтобы никто из них не имел ничего своего, но чтобы все у них было общее, а если узнавал, что кто-либо из братии имеет собственность, на того налагал епитимию. Он не допускал разговоров братии между собою в церкви, а также всегда требовал от них хранить молчание во время трапезы. После трапезы он велел всем расходиться по своим келиям, молча, не вступая при этом ни в какие разговоры друг с другом, и не разрешал посещать чужих келий за исключением какой-либо крайней нужды. Кроме того он постановил, как общее правило, чтобы никто из иноков отнюдь не имел своих мудрований, но каждый готов был исполнить всякое послушание. А братия с своей стороны во всем повиновались ему, как ангелу Божию.

Для духовных бесед преподобный Евфимий совершал путешествия к преподобному Сергию, Радонежскому чудотворцу, в его обитель, так как они были современниками⁶. После таких бесед они с любовью давали друг другу благословение, а потом преподобный Евфимий снова возвращался в свой монастырь.

В таких подвигах блаженный Евфимий прожил всю жизнь свою. Он никогда не изменял своему молитвенному правилу и, соединяя пост с милостынею, принимая странников и давая пищу тем, кто не имел ее, к прежним подвигам своим прибавлял новые подвиги. Он был одеждою для нагих и утешением для скорбящих, так как помогал всем бедным, избавлял от бед впадших в несчастия, исцелял молитвою больных, за должников платил долги, сам их всем прощал и одним словом своим избавлял от насилия неправедных судей тех, кого постигали бедствия. Бедность в одежде он так любил, что казался как бы ничего не имущим. Он всегда носил одну только одежду, сшитую из жестких овечьих шкур и зимою страдал от холода, а летом вследствие тяжести одежды мучился от жара.

Так, всякими скорбными и узкими путями преподобный Евфимий совершал свое жизненное шествие и стал ощущать телесные немощи только тогда, когда достиг уже глубокой старости. Почувствовав приближение кончины, он созвал к себе всех иноков обители. Когда они увидели, что их игумен очень слаб и что близко время его отшествия ко Господу, то все стали скорбеть о разлуке с ним и говорили:

- Отец! ты оставляешь нас сиротами, и когда тебя не будет с нами, то опустеет обитель наша.

Но преподобный, утешая их, отвечал им на это:

- Не скорбите о разлуке со мною и знайте, что если я приобрету дерзновение молитвы к Богу и дело мое будет угодно Ему, то обитель наша не только не опустеет, но после кончины моей число иноков в ней еще более умножится, если и вы будете иметь любовь друг к другу.

Говорил преподобный и многое другое в утешение братии. После сего, когда уже стало наступать время его отшествия ко Господу, все иноки, приходя к нему, со слезами целовали его и просили у него последнего благословения. И, как чадолюбивый отец, преподобный всем дал свое благословение, всех простил и сам у всех испросил себе прощения. Когда наступил, наконец, час разлучения души его с телом, он причастился Святых Тайн и в первый день месяца апреля предал святую душу свою в руки Господа, после 52 летнего управления обителью⁷. Святое тело его иноки похоронили в вышеупомянутом гробу, который в начале построения первого монастырского храма преподобный устроил себе своими собственными руками. Блаженный Евфимий и до сего дня совершает многие чудеса и подает исцеления тем, кто с верою приходит к честному гробу его⁸.

Тропарь, глас 3:

Яко светозарная звезда пришел еси от востока на запад, оставив отечество твое, Нижний Новгород, и дошед богоспасаемаго града Суздаля, в нем обитель сотворил еси, и собрал еси монахов множества: и прием дар чудес от Бога, отче Евфимие, и был еси о Христе собеседник и спостник преподобному Сергию. С нимже у Христа Бога испроси благоверному императору нашему Николаю Александровичу, здравие, и спасение, и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 2:

Волнений множество невлажно преходя. безплотныя враги струями слез твоих погрузил еси, богомудре Евфимие преподобне. Тем и чудес дар приял еси, моли непрестанно о всех нас.

-
- 1 Св. Православная Церковь установила в Великий пост вспоминать житие преподобной Марии Египетской. В четверг пятой седмицы Великого поста, на утрени, читается весь покаянный Великий канон св. Андрея Критского и 18 тропарей этого канона обращены к преподобной Марии (Мариино стояние).
 - 2 Неизвестно, почему Борис Константинович назван здесь великим князем Суздальские князья домогались, правда, великокняжеского престола после смерти Симеона Гордого, в 1353, но потерпели в этом неудачу, и только после кончины Иоанна II Кроткого, в 1359 году, великое княжение получил суздальский князь Димитрий Константинович Впрочем, последний был великим князем только несколько лет. В 1363 году он вынужден был уступить великокняжеский престол сыну Иоанна Кроткого, Димитрию Иоанновичу Донскому.
 - 3 Пустынь эта всегда была приписною к Спасо-Евфимову монастырю.
 - 4 Епископ Иоанн причислен клику святых. Память его празднуется 15 октября.
 - 5 Этот год считается и годом основания монастыря, получившего потом название Спасо-Евфимиева. Он замечателен тем, что из суздальских монастырей в нем первом введено было общежитие.
 - 6 В церковных песнопениях преподобный Евфимий называется "спостником и собеседником" преподобному Сергию. Миния за апрель месяц 1625 г.
 - 7 Преподобный Евфимий скончался 1 апреля 1405 г., около 90 лет отроду.
 - 8 Через столетие после кончины преподобного, в 1507 г. 7 июня, при копании рва для построения вместо сгоревшего в 1491 году Преображенского храма нового храма обреты были мощи его и оказались нетленными: "лице было светлое и ризы, как вчера одетые".

Преподобный Варсонофий Оптинский

Дни памяти

14 апреля

12 августа - Собор Самарских святых

24 октября - Собор всех святых, в Оптиной пустыни просиявших

Преподобный Варсонофий был одним из великих оптинских старцев. По отзыву преподобного Нектария, «из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, он стал великим старцем». Отец Варсонофий носил в миру имя Павла, и это чудо, с ним бывшее, напоминает чудесное призвание его небесного покровителя апостола Павла, который волею Божией за ночь превратился из гонителя христиан Савла в апостола Павла.

Старец Варсонофий обладал всей полнотой даров, присущих Оптиным старцам: прозорливостью, чудотворением, способностью изгонять нечистых духов, исцелять болезни. Он сподобился истинных пророчеств о рае. Его видели на молитве озарённым неземным светом. По смерти своей он несколько раз являлся оптинским инокам.

Яркую характеристику дал ему игумен Иннокентий (Павлов), духовное чадо старца: «Это был гигант духа. Без его совета и благословения и сам настоятель монастыря отец Ксенофонт ничего не делал, а о его духовных качествах и великом обаянии, которое он имел на всех своих духовных чад, можно судить по краткому выражению из надгробного слова: «гиганта малыми деревцами не заменишь».

Путь в Оптину старца Варсонофия оказался длиннее всех остальных Оптиных старцев: он пришёл сюда по благословению преподобного Амвросия на сорок седьмом году жизни, когда уже сильная седина пробилась в его волосах. Каким же был этот путь?

Почти совсем не сохранилось документов и свидетельств о жизни старца до поступления его в число братии Оптиной Пустыни, а это сорок шесть лет, – многое здесь остаётся неизвестным. Но отец Варсонофий сам нередко рассказывал о себе в беседах с духовными чадами – их записи и донесли до нас сведения о его жизни до Оптиной.

Преподобный Варсонофий, в миру Павел Иванович Плиханков, родился в 1845 году в Самаре в день памяти преподобного Сергия Радонежского, которого он всегда считал своим покровителем. Мать его Наталия скончалась при родах, а сам ребёнок остался жив благодаря Таинству Крещения, которое немедленно совершил над ним священник. Отец его происходил из казаков, занимался торговлей.

Дед и прадед мальчика были весьма богаты. Почти все дома по Казанской улице принадлежали семье Плиханковых. Все члены семьи были благочестивыми и глубоко верующими людьми, много помогали находившемуся на этой же улице храму Казанской иконы Божией Матери. Семья считала, что их род находится под особым покровительством Казанского образа Божией Матери.

После смерти матери отец женился вторично, и в лице мачехи Господь послал младенцу глубоко верующую, добрейшей души наставницу, которая заменила ему родную мать. И вот Павлуша с раннего возраста – настоящий православный человек. Он ходит с мамой (так называл он мачеху) в церковь, регулярно причащается, читает домашнее правило. Позднее он вспоминал: «Любила мама и дома молиться. Читает, бывало, акафист, а я распеваю тоненьким голоском на всю квартиру: «Пресвятая Богородице, спаси нас!» Пяти лет Павлуша начал прислуживать в алтаре и нередко слышал, как люди предсказывали: «Быть тебе священником!»

Знаменательный случай произошёл с ребёнком, когда ему было около шести лет. Он сам вспоминал позднее: «Был я в саду с отцом. Вдруг по аллейке идёт странник. И дивно, как он мог попасть в сад, когда сад окружён большими собаками, которые без лая никого не пропускают. Тихо подошёл странник к отцу и, показывая на меня ручкой, говорит: «Помни, отец, это дитя в своё время будет таскать души из ада!» И после этих слов он вышел. Потом мы его нигде не могли найти. И Бог его знает, кто это был за странник».

Девяти лет Павлушу зачислили в гимназию, учился он очень хорошо, много читал, прекрасно знал мировую литературу. Позднее, будучи старцем, он часто говорил о пользе книжных знаний, в первую очередь – житий святых. Об учёбе в гимназии он вспоминал: «Летом нас переселяли на каникулы в живописное казённое имение... Там была прекрасная берёзовая аллея... Воспитанники обыкновенно вставали в шесть часов, а я вставал в пять часов, уходил в ту аллею и, стоя меж тех берёз, молился. И тогда я молился так, как никогда уже более не молился: то была чистая молитва невинного отрока. Я думаю, что там я себе и выпросил, вымолил у Бога монашество».

Затем была учёба в Оренбургском военном училище, штабные офицерские курсы в Петербурге. Постепенно повышаясь в чинах, он скоро стал начальником мобилизационного отделения, а затем полковником. О поступлении в монастырь он тогда ещё не думал, представлял себе монашескую жизнь так: «страшная скука, – там только редька, постное

масло да поклоны» Но он уже был призван, – часто незаметно, но иногда весьма явственно Господь вёл его именно в монастырь. Отсюда и многочисленные «странности» офицера Павла Ивановича Плиханкова.

Павел Иванович был молодым военным, сослуживцы его прожигали жизнь в развлечениях, но он приходил в своём быту к всё большему аскетизму. Комната его напоминала келлию монаха простотой убранства, порядком, а также множеством икон и книг. Шли годы. Товарищи его один за другим пережились.

Позднее старец вспоминал об этом времени: «Когда мне было тридцать пять лет, матушка обратилась ко мне: «Что же ты, Павлуша, всё сторонись женщин, скоро и лета твои выйдут, никто за тебя не пойдёт». За послушание, я исполнил желание матери... В этот день у одних знакомых давался званый обед. «Ну, – думаю, – с кем мне придётся рядом сидеть, с тем и вступлю в пространный разговор». И вдруг рядом со мной, на обеде, поместился священник, отличавшийся высокой духовной жизнью, и завёл со мной беседу о молитве Иисусовой... Когда же обед кончился, у меня созрело твёрдое решение не жениться».

Военная служба, блестящая карьера. По службе он был на самом блестящем счету, и не за горами был для него генеральский чин. Прямая возможность к стяжанию всех мирских благ. И... отказ от всего. Сослуживцы и знакомые никак не могли понять: что же за «изъян» в стройном, красивом полковнике, весь облик которого так дышал каким-то удивительным внутренним благородством? Жениться не женится, балов и званых обедов, равно как и прочих светских развлечений, избегает. В театр, бывало, ходил, да и тот бросил. За спиной у Павла Ивановича даже поговаривали порой: «С ума сошел, а какой был человек!..»

Однажды поехал Павел Иванович в оперный театр по приглашению своего военного начальства. Среди развлекательного представления он вдруг почувствовал невыразимую тоску. Позднее он вспоминал: «В душе как будто кто-то говорил: «Ты пришёл в театр и сидишь здесь, а если ты сейчас умрёшь, что тогда? Господь сказал: "В чём застану, в том и сужу"... С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрёшь?»

И он ушёл из театра и больше никогда не ходил туда. Прошли годы, и Павлу Ивановичу захотелось узнать, какое число было тогда, чья была память. Он справился и узнал, что была память святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев. И Павел Иванович понял: «Господи, да ведь это меня святой Варсонофий вывел из театра! Какой глубокий смысл в событиях нашей жизни, как она располагается – точно по какому-то особенному таинственному плану».

Были и ещё знаки. Зашёл как-то Павел Иванович в Казанский монастырь на исповедь и узнал случайно, что настоятеля монастыря зовут игумен Варсонофий. Когда Павел Иванович заметил, что это имя трудное на слух, ему ответили: «Чем же трудное? Для нас привычное... Ведь в нашем монастыре почивают мощи святителя Варсонофия и архиепископа Гурия...» С этого дня Павел Иванович стал часто молиться у мощей Казанского чудотворца, испрашивая у него покровительства себе: «Святителю отче Варсонофие, моли Бога о мне!» Посещая этот монастырь, он невольно обратил внимание на его бедность и стал помогать: купил лампадку, киот на большую икону, ещё что-то... «И так полюбил всё в этом монастыре! Воистину: где будет сокровище ваше, тут будет и сердце ваше».

Теперь сослуживцы уже не звали Павла Ивановича ни на пирушки, ни в театр. Зато у него появились маленькие друзья. Денщик Павла Ивановича, Александр, доброй души человек, помогал ему найти бедных детей, которые жили в бедных домах и хижинах, в подвалах. Впоследствии старец рассказывал: «Я очень любил устраивать детские пиры. Эти пиры доставляли одинаково и мне, и детям радость... А также я им рассказывал о чём-нибудь полезном для души, из житий святых или вообще о чём-нибудь духовном. Все слушают с удовольствием и вниманием. Иногда же для большей назидательности я приглашал с собой кого-либо из монахов или иеромонахов и предоставлял ему говорить, что производило ещё большее впечатление... Перед нами поляна, за ней река, а за рекой

Казань со своим чудным расположением домов, садов и храмов... И хорошо мне тогда бывало, – сколько радости – и чистой радости – испытывал я тогда и сколько благих семян было брошено тогда в эти детские восприимчивые души!»

В Москве Павел Иванович встретился со святым и праведным отцом Иоанном Кронштадтским. Эта судьбоносная встреча запомнилась ему на всю жизнь, позднее он напишет: «Когда я был ещё офицером, мне по службе надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что отец Иоанн служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал туда. Когда я вошёл в церковь, обедня уже кончалась. Я прошёл в алтарь. В это время отец Иоанн переносил Святые Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, он вдруг подходит ко мне, целует мою руку, и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником... А теперь видишь, как неисповедимы судьбы Божии: я не только священник, но и монах».

Наконец утвердился Павел Иванович в мысли идти в монастырь, но в какой, куда – здесь была полная неопределённость. В период этих раздумий попался в руки Павлу Ивановичу один духовный журнал, а в нем – статья об Оптиной пустыни и преподобном старце Амвросии. «Так вот кто укажет мне, в какой монастырь поступить», – подумал молодой военный и взял отпуск.

Когда он только подходил к Оптиному скиту, находившаяся в «хибарке» старца Амвросия одна блаженная неожиданно с радостью произнесла:

– Павел Иванович приехали.

– Вот и слава Богу, – спокойно отозвался преподобный Амвросий...

Оба они духом знали, что приехал будущий старец.

Когда Павел Иванович пришёл в келлию старца, то нашёл там, кроме отца Амвросия, ещё и отца Анатолия (Зерцалова). Оба они встретили его, как он вспоминал, «очень радостно», а недомогавший отец Амвросий даже встал, оказывая особый почёт приехавшему.

Здесь же, в «хибарке», и услышал Павел Иванович поразившие его слова преподобного: «Искус должен продолжаться ещё два года, а после приезжайте ко мне, я вас приму». Дано было и послушание – жертвовать на определённые храмы некоторые суммы из своего довольно высокого жалования полковника.

В 1881 году Павел заболел воспалением лёгких. Когда по просьбе больного полковника денщик начал читать Евангелие, последовало чудесное видение, во время которого наступило духовное прозрение больного. Он увидел открытыми небеса и содрогнулся весь от великого страха и света. Вся жизнь пронеслась мгновенно перед ним. Глубоко проникнут был Павел Иванович сознанием покаяния за всю свою жизнь и услышал голос свыше, повелевающий ему идти в Оптину пустынь. У него открылось духовное зрение. По словам старца Нектария, «из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, он стал старцем».

К удивлению всех, больной стал быстро поправляться, а по выздоровлении поехал в Оптину. Преподобный Амвросий велел ему покончить все дела в три месяца, с тем, что, если он не приедет к сроку, то погибнет. И вот тут начались препятствия. Поехал он в Петербург за отставкой, а ему предложили более блестящее положение и задерживают отставку. Товарищи смеются над ним, уплата денег задерживается, он не может завершить свои дела, ищет денег взаймы и не находит. Но его выручает старец Варнава из Гефсиманского скита, указывает ему, где достать денег, и тоже торопит исполнить Божие повеление. Люди противятся его уходу из мира, находят ему даже невесту. Только мачеха, заменившая ему родную мать, радовалась и благословила его на иноческий подвиг.

С Божией помощью полковник Плиханков преодолел все препятствия и явился в Оптину пустынь в последний день своего трёхмесячного срока. Старец Амвросий лежал в гробу в церкви, и Павел Иванович приник к его гробу. Десятого февраля 1892 года он был зачислен в число братства Иоанно-Предтеченского скита и одет в подрясник. Каждый вечер

в течение трех лет ходил Павел для бесед к старцам: сначала к преподобному Анатолию, а затем к преподобному Иосифу, преемникам старца Амвросия.

Преподобный Анатолий дал новонаначальному послушание быть келейником иеромонаха Нектария, последнего великого оптинского старца. Около отца Нектария его келейник прошёл в течение десяти лет все степени иноческие: через год, двадцать шестого марта 1893 года, Великим постом, послушник Павел был пострижен в рясофор, в декабре 1900 года, по болезни, пострижен в мантию с именем Варсонофий, двадцать девятого декабря 1902 года рукоположен в иеродиакона, а первого января 1903 года был рукоположен в сан иеромонаха.

В 1903 году преподобный Варсонофий был назначен помощником старца и одновременно духовником Шамординской женской пустыни и оставался им до начала войны с Японией.

В 1904 году начинается русско-японская война, и преподобный Варсонофий за послушание отправляется на фронт: обслуживать лазарет имени преподобного Серафима Саровского, исповедовать, причащать, соборовать раненых и умирающих солдат. Он сам неоднократно подвергается смертельной опасности.

По возвращении после окончания войны в Оптину Пустынь, в 1907 году, отец Варсонофий был возведён в сан игумена и назначен Святейшим Синодом настоятелем Оптинского скита. К этому времени слава о нем разносится уже по всей России. Ушли в вечные обители святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, преподобный старец Варнава Гефсиманский. Страна приближалась к страшной войне и неизмеримо более страшной революции, житейское море, волнуемое вихрями безумных идей, уже «воздвигалось напастей бурей», люди утопали в его волнах...

Как в спасительную гавань, стремились они в благословенный Оптинский скит к преподобному Варсонофию за исцелением не только телес, но и истерзанных, истомленных грехом душ, стремились за ответом на вопрос: как жить, чтобы спастись? Он видел человеческую душу, и, по молитвам, ему открывалось в человеке самое сокровенное. А это давало ему возможность воздвигать падших, направлять с ложного пути на истинный, исцелять болезни, душевные и телесные, изгонять бесов.

Его дар прозорливости особенно проявлялся при совершении им Таинства Исповеди. С.М. Лопухина рассказывала, как, приехав 16-летней девушкой в Оптину, она попала в «хибарку», в которой принимал старец. Преподобный Варсонофий увидел ее и позвал в исповедальню и там пересказал всю жизнь, год за годом, проступок за проступком, не только указывая точно даты, когда они были совершены, но также называя и имена людей, с которыми они были связаны. А завершив этот страшный пересказ, велел: «Завтра ты придешь ко мне и повторишь мне все, что я тебе сказал. Я хотел тебя научить, как надо исповедоваться»...

А вот какие поразительные воспоминания об исповеди у старца оставила его духовная дочь:

– Дошли мы до скита, враг всячески отвлекал меня и внушал уйти, но, перекрестившись, я твёрдо вступила в хибарку... Перекрестилась я там на икону Царицы Небесной и замерла. Вошёл батюшка, я стою посреди келлии... Батюшка подошёл к Тихвинской и сел...

– Подойди поближе.

Я робко подошла.

– Стань на коленочки... У нас так принято, мы сидим, а около нас, по смирению, становятся на коленочки.

Я так прямо и рухнула, не то, что стала... Взял батюшка меня за оба плеча, посмотрел на меня безгранично ласково, как никто никогда не смотрел, и произнёс:

– Дитя моё милое, дитя моё сладкое, деточка моя драгоценная! Тебе двадцать шесть?

– Да, батюшка.

– Тебе двадцать шесть, сколько лет тебе было четырнадцать лет тому назад?

Я, секунду подумавши, ответила:

– Двенадцать.

– Верно, и с этого года у тебя есть грехи, которые ты стала скрывать на исповеди. Хочешь, я скажу тебе их?

– Скажите, батюшка, – несмело ответила я.

И тогда батюшка начал по годам и даже по месяцам говорить мои грехи так, как будто читал их по раскрытой книге...

Исповедь, таким образом, шла двадцать пять минут. Я была совершенно уничтожена сознанием своей греховности и сознанием того, какой великий человек передо мной.

Как осторожно открывал он мои грехи, как боялся, очевидно, сделать больно и в то же время как властно и сурово обличал в них, а, когда видел, что я жестоко страдаю, придвигал ухо своё к моему рту близко-близко, чтобы я только шепнула:

– Да...

А я ведь в своём самомнении думала, что выделяюсь от людей своей христианской жизнью. Боже, какое ослепление, какая слепота духовная!

– Встань, дитя моё!

Я встала, подошла к аналою.

– Повторяй за мной: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». Откуда эти слова?

– Из Пятидесятого псалма.

– Ты будешь читать этот псалом утром и вечером ежедневно. Какая икона перед тобой?

– Царицы Небесной.

– А какая это Царица Небесная? Тихвинская. Повтори за мной молитву...

Когда я наклонила голову и батюшка, накрыв меня епитрахилью, стал читать разрешительную молитву, я почувствовала, что с меня свалились такие невероятные тяжести, мне делается так легко и непривычно...

– После всего, что Господь открыл мне про тебя, ты захочешь прославлять меня, как святого, этого не должно быть – слышишь? Я человек грешный, ты никому не скажешь... Сокровище ты моё... помози и спаси тебя Господь!

Много-много раз благословил меня опять батюшка и отпустил...

Во время бесед с духовными детьми старец Варсонофий говорил: "Есть разные пути ко спасению. Одних Господь спасает в монастыре, других в миру... Везде спастись можно, только не оставляйте Спасителя. Цепляйтесь за ризу Христову – и Христос не оставит вас.

Говоря о мире, считаю долгом сказать, что под этим словом я подразумеваю служение страстям, где бы оно ни совершалось, можно и в монастыре жить по-мирски. Стены и черные одежды сами по себе не спасают.

Верный признак омертвления души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего начинает избегать ходить в церковь, сначала старается прийти к службе попозже, а затем и совсем перестает посещать храм Божий. Ищущие Христа обретают Его, по неложному евангельскому слову: "Стучите и отверзется вам, ищите и обрящете", "В доме Отца Моего обителей много". И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и о земных обителях, и не только о внутренних, но и о внешних.

Каждую душу ставит Господь в такое положение, окружает такой обстановкой, которая наиболее способствует ее преуспеянию. Это и есть внешняя обитель, исполняет же душу покой мира и радования – внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его.

Нужно помнить, что Господь всех любит и о всех печется, но, если и по-человечески рассуждая, опасно дать нищему миллион, чтобы не погубить его, а сто рублей легче могут поставить его на ноги, то тем более Всеведущий Господь лучше знает, кому что на пользу. Нельзя научиться исполнять заповеди Божии без труда, и труд этот трехстатный: молитва, пост и трезвение.

Самое трудное – молитва. Всякая добродетель от прохождения обращается в навык, а в молитве нужно понуждение до самой смерти. Ей противится наш ветхий человек, и враг особенно восстает на молящегося. Молитва – вкушение смерти для диавола, она поражает его. Даже святые, как, например, преподобный Серафим, и те должны были понуждать себя на молитву, не говоря уже о нас, грешных.

Второе средство – пост. Пост бывает двоякий: внешний – воздержание от скоромной пищи и внутренний – воздержание всех чувств, особенно зрения, от всего нечистого и скверного. Тот и другой неразрывно связаны друг с другом. Некоторые понимают только пост внешний. Приходит, например, такой человек в общество, начинаются разговоры, осуждение ближних, он принимает в них деятельное участие. Но вот наступает время ужина. Гостю предлагают котлеты, жаркое... Он решительно заявляет, что не ест скоромного.

– Ну, полноте, – уговаривают хозяева, – скушайте, ведь не то, что в уста, а то, что из уст.

– Нет, я насчет этого строг.

И не понимает такой человек, что он уже нарушил внутренний пост, осуждая ближнего.

Вот почему так важно трезвение. Трудясь для своего спасения, человек мало-помалу очищает свое сердце от зависти, ненависти, клеветы, и в нем насаждается любовь».

Оптину за все время своей монашеской жизни преподобный Варсонофий покидал лишь несколько раз – только по послушанию. В 1910 году, также за послушание, ездил на станцию Астапово для напутствия умиравшего Л.Н. Толстого. Впоследствии он с глубокой грустью вспоминал: «Не допустили меня к Толстому... Молил врачей, родных, ничего не помогло... Хотя он и Лев был, но не смог разорвать кольцо той цепи, которою сковал его сатана».

В 1912 году преподобного Варсонофия назначают настоятелем Старо-Голутвина Богоявленского монастыря. Смиренно просил он оставить его в скиту для жительства на покое, просил позволить ему остаться хотя бы и в качестве простого послушника. Но, несмотря на великие духовные дарования старца, нашлись недовольные его деятельностью: путем жалоб и доносов он был удален из Оптиной.

Мужественно перенося скорбь от разлуки с любимой Оптиной, старец принимается за благоустройство вверенной ему обители, крайне расстроенной и запущенной. И как прежде, стекается к преподобному Варсонофию народ за помощью и утешением. И как прежде, он, сам уже изнемогавший от многочисленных мучительных недугов, принимает всех без отказа, врачует телесные и душевные недуги, наставляет, направляет на тесный и скорбный, но единственно спасительный путь.

Здесь, в Старо-Голутвине, совершается по его молитвам чудо исцеления глухонемого юноши. «Страшная болезнь – следствие тяжкого греха, совершенного юношей в детстве», – поясняет старец его несчастной матери и что-то тихо шепчет на ухо глухонемому. «Батюшка, он же вас не слышит, – растерянно восклицает мать, – он же глухой...». – «Это он тебя не слышит, – отвечает старец – а меня слышит», – и снова произносит что-то шепотом на самое ухо молодому человеку. Глаза того расширяются от ужаса, и он покорно кивает головой... После исповеди преподобный Варсонофий причащает его, и болезнь оставляет страдальца.

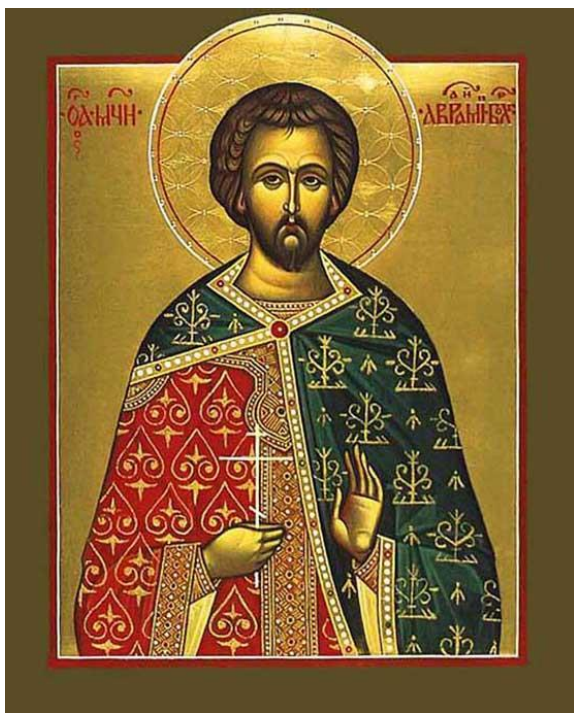
Меньше года управлял старец обителью. Страдания его во время предсмертной болезни были поистине мученическими. Отказавшийся от помощи врача и какой бы то ни было пищи, он лишь повторял: «Оставьте меня, я уже на кресте...» Причащался старец ежедневно.

Первого (четырнадцатого) апреля 1913 года предал он свою чистую душу Господу. Похоронен был преподобный Варсонофий в Оптиной, рядом со своим духовным отцом и учителем, преподобным Анатолием (Зерцаловым). В 1996 году преподобный Варсонофий был причислен к лику местночтимых святых Оптиной пустыни, а в августе 2000 года Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви прославлен для

общецерковного почитания. Мощи его покоятся во Владимирском храме Оптиной пустыни.

В тот же день убиение святого мученика Авраамия Болгарского, в 1299 году.

Мученик Авраамий (Авраамий) Болгарский, Владимирский

Дни памяти

14 апреля

11 мая (переходящая) - Неделя о расслабленном

6 июля - Собор Владимирских святых

17 октября - Собор Казанских святых

Этот богатый и знатный купец жил в Волжской Булгарии в конце XII – начале XIII вв. Жизнь этого человека сильно отличалась от жизни многих его земляков и соплеменников. Был он человеком необыкновенно сострадательным, милостивым к бедствующим, тратил свои богатства на нужды страждущих. Посещая русские города, общаясь с русскими купцами, он глубоко заинтересовался христианской верой. По Божью смотрению благодать коснулась его сердца и, познав истину святой веры Христовой, он принял Святое Крещение. Так сей купец становится христианином и получает новое имя, с которым и записан на страницах Книги жизни, – Авраамий (нигде в летописях не упоминается об имени святого до Крещения). По Крещении святой евангельским словом, а главное – христианским образом жизни несет апостольскую проповедь среди своего народа. И как до принятия христианства сострадал Авраамий бедствиям и лишениям ближних, так по принятии спасительной веры Христовой стал болезновать духом и скорбеть о духовных бедствиях своих единомыслителей, о незнании ими истинного Бога неба и земли, открывшегося нам через Единородного Сына Своего во Святом Духе, и о происходящем от сего незнания неустойчивости и беспорядочности нравов (Ин.17:3; Рим.1:25-31). Одушевленный святою ревностью по святой вере и братскою любовью к нечестивым соплеменникам своим, Авраамий, будучи по торговым делам в столице Волжской Булгарии – Великих Булгарах, во время ярмарки (ага-базара) вместо того, чтобы заниматься торговлею и приобретать блага временные, земные, начинает благовествовать своим единоплеменникам о благах вечных, нетленных, и предлагает им проповедь о Христе Богочеловеке, «распеншемся за ны волею, воскресшему из мертвых и со славою воснесшемся с плотию на небо», о безначальном Его Отце и о совечном Отцу и Сыну Всесвятом Духе.

В изумление пришли болгары, услышав проповедь христианскую от своего единоплеменника и бывшего единоверца. Его соотечественники не только не изъявили сочувствия к проповеди святого мужа, но даже раздражились на проповедника, особенно когда увидели его непреклонность после многократных увещаний и советов оставить христианскую веру. Они стали Авраамия первоначально, как любимого всеми, уговаривать, чтоб оставил Христову веру. Когда ласковые убеждения не подействовали на исповедника Христова имени, ему стали угрожать отнятием имения. На эти угрозы блаженный отвечал,

что за Христа Спасителя он готов лишиться не только имени, но не пожалеет и самой своей жизни. После этого пошли побои. Били Авраамия «всем миром», били так жестоко, что на теле мученика не осталось ни одного неповрежденного места: «яко не бытии на нем места цела и неуязвленна» (из акафиста мученику). Пытались заставить его замолчать, отречься от Христа, но было тщетно. Тогда болгары, рассвирепев, как звери, на исповедника, много дней томили его в заключении, многими мучениями принуждая отвергнуться веры христианской. Не изнемог в муках доблестный страдалец за истинную веру, но, укрепляемый благодатию Божиею, еще больше утвердился в святой любви к Искупителю мира. Тогда, видя его непреклонность в вере, злобные изуверы отвели за город и у колодца недалеко от берега Волги отсекли ему сперва руки, потом ноги и главу. Так 1 апреля 1229 года с исповеданием истинной веры на устах отошел к своему Небесному Отцу этот милосердный и искренний человек Божий. Муромские купцы, бывшие тому свидетелями, погребли мученика на особом кладбище, «где погребались все христиане». Господь вскоре наказал жителей Великих Булгар за кровь Своего угодника страшным пожаром: «... вскоре выгорел оный град великий со многим и неисчислимым богатством!»

При гробе очень скоро начались знамения, послужившие поводом к почитанию святого, слух о которых распространился по всей Православной Руси. В 1230 году к благоверному владимирскому князю Георгию Всеволодовичу явились послы от волжских булгар просить мира (после шестилетней войны с Русью).

Князь Георгий согласился на их желание и, едва заключен был мир, послал в Булгары посольство для перенесения мощей мученика Христова. 9 марта 1230 года его мощи были перенесены во Владимир, в Княгинин монастырь (где и поныне хранится уцелевшая частица).

Незадолго до революции в с. Болгары были переданы древний образ святого с частицей его мощей и старая деревянная рака. Эти святыни были утеряны в период безбожного лихолетья. Сохранилась лишь фаланга перста правой руки, в безбожное время сберегавшаяся с благоговением жителями города по домам, ныне же находящаяся в Свято-Авраамиевском храме г. Болгара. Господь прославил Своего угодника многими чудесами, происходившими по его молитвам у святых мощей. Было замечено, что мученик обладает особой благодатной силой предстательствовать перед Богом о больных детях, сохранились записи об исцелении больных. Авраамию Болгарскому молятся о покровительстве и успехе в торговле, личном предпринимательстве.

Тропарь, глас 4

Днесь, благовернии людие, сошедшеся,/ восхвалим добляго сего мученика и страдальца Авраамия,/ сей бо, укрепляемь силою Божиею,/ душу свою положи за Христа,/ много пострадав от зловерных болгар./ Сего ради от Господа венец прият/ и ныне предстоит Ему/ и молится о граде сем/ и о всех нас, чтущих память его.

Кондак, глас 8

Яко многоценное сокровище,/ принесено бысть от Болгарский страны во град Владимир/ пречестное тело твое, мучениче Авраамие,/ имже подавши всем чтущим преславную память твою обилие исцелений,/ предстоя на Небеси Христу Богу/ и моля Его о спасении душ наших.

В тот же день память преподобного отца нашего Макария исповедника, за почитание святых икон претерпевшего заключение в темницу и истязания, и скончавшегося в Афусии близ Царьграда, около 830 г.

Память преподобного Макария, игумена Пелекитской обители

Св. Макарий родился в Константинополе ок. середины VIII в. Очень рано он остался сиротой и был воспитан дядей, который посоветовал ему в надлежащем возрасте вступить в брак. Однако юноша, прилежно изучая Священное Писание, осознал, что всякая земная радость ведет к гибели, и отказался от совета дяди. Он отправился в уединенную церковь, священник которой научил Макария хранить целомудрие ума, направляя его к благам вечным. Юноша открыл ему, что хочет посвятить себя монашеской жизни. Наставник посоветовал ученику отправиться в монастырь Святого Иоанна Богослова, называемый Пелекитским¹, на горе Олимп в Вифинии.

Макарий устремился туда с великой поспешностью, как стремится елень на источники водные (Пс. 41:1), и вскоре достиг вершины горы, на которой стоял монастырь. С самого момента принятия пострига он всегда ревностно исполнял все послушания, которые ему давались, вызывая у братии изумление своими добродетелями и смирением. По смерти игумена Марка ему, перед этим выполнявшему послушание канонарха, а затем эконома, по единодушному решению братии было вверено управление общиной.

Господь, в знак милости к Своему рабу, явил многочисленные чудеса. Во время длительной засухи Макарий устроил крестный ход в соседнюю церковь Илии Пророка, – и Бог послал на землю дождь по его просьбам. По его молитве исцелились также патрикий Павел с женой, которые, отчаявшись в средствах медицины, совершили паломничество в монастырь. Узнав об этом чуде, императрица Ирина призвала к себе святого, чтобы он вылечил женщину из числа ее приближенных. Когда Макарий был в Константинополе, патриарх св. Тарасий [25 фев.] подтвердил его избрание игуменом и рукоположил в священника. Этот сан стал для него возможностью еще больше смириться, ибо он считал себя, подобно Христу, слугой всей братии.

Пятнадцать лет игумен жил в мире, исцеляя болящих и являя собой образец евангельского совершенства, пока император Лев V Исавр (813–820) не воздвиг новое гонение на святые иконы. На посулы императора, который обещал ему высокие должности и богатства, Макарий ответил: «Ни должности, ни богатства не имеют для меня никакой цены. Что же касается испытаний, переносимых за истинную веру, то я с радостью приму все те мучения, которые ты мне готовишь, как и любые другие». Испугавшись столь бесстрашного исповедания, тиран не осмелился привести его во дворец, но приказал заключить в тюрьму.

В темнице игумен монастыря Святых Сергия и Вакха, принявший сторону еретиков, лицемерно понуждал Макария к отречению. Потерпев поражение, он возвратился к императору и сказал, что легче поколебать землю, чем решимость Макария. Тогда святой был подвергнут многим мучениям и отправлен в ссылку на Босфор, где лишился общения с учениками и друзьями. В это время монахи Пелекитской обители, которые на какое-то время рассеялись, вновь собрались вместе и, по совету св. Феодора Студита, весьма

¹ О других святых этого монастыря см. память св. Феостирикта [17 марта] и св. Илариона [28 марта].

восхищавшегося духовной битвой Макария², избрали игуменом отшельника по имени Сергей.

После смерти Льва V святой с другими исповедниками был освобожден, однако не получил дозволения вернуться в свой монастырь. Он посетил патриарха св. Никифора, пребывавшего в ссылке недалеко от Халкидона. С помощью благочестивых мирян прп. Макарий основал монастырь в Хрисополе, на морском берегу, где в скором времени собралось множество монахов, почитающих святые иконы.

Со вступлением на престол Феофила (829–842) гонения возобновились с невиданной доселе жестокостью. Макарий вновь был вызван в Константинополь. Император пытался привлечь его на свою сторону лестью, обещаниями благ и угрозами, но не достиг успеха. Тогда он приказал бичевать игумена, а затем заключил в сырую темницу, где морил Макария голодом.

Там же находились еретики-павликиане³, приговоренные к смерти. Они попросили благословения у святого, но тот отказался, возразив без всякого гнева: «Что может быть общего у света с тьмой!» И стал проповедовать им истинную веру. Только один из них обратился и избежал смерти, другие же были казнены.

Затем св. Макарий проповедовал другим узникам-иконоборцам православное учение о почитании святых икон, подтверждая свои слова чудесами. Феофил, узнав, что большое число узников обратилось в православную веру, отправил святого в ссылку на маленький о. Афусия в Пропонтиде (в Мраморном море). Множество монахов отправились за ним в изгнание и основали на этом острове монастырь. Там святой совершил многочисленные чудеса, одаривая хлебом местных жителей, которые страдали от голода, и исцеляя монахов от болезней.

В этой обители прп. Макарий отошел ко Господу 18 августа 840 г., после того как указал братии место своего погребения.

*«Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители
Симонопетра.*

В тот же день память святых мучеников Геронтия и Василида, от меча скончавшихся и память праведного Ахаза.

² Св. Феодор написал ему 5 писем (159, 230, 294, 362 и 371) между 816 и 818 гг. и упоминает его еще в двух из своих сохранившихся писем (267 и 501).

³ Дуалистическая секта, восходящая к манихейству, которая распространилась в смутные времена от Малой Азии до Болгарии. Впоследствии из нее возникло богомилство и европейские ереси наподобие катаров. Павликиане учили, что видимый мир сотворен сатаной, и вследствие этого отвергали все обряды и церковную иерархию.